

необходимо оценивать не только академические риски, но и политические. Законодательство, регулирующее деятельность МФ, может стремительно меняться в соответствии с локальными процессами, и может так случиться, что бывшие покровители МФ неожиданно лишатся прежней власти. В-четвертых, дальнейшая интеграция МФ в местные нормативные системы нередко ставит под вопрос реализацию традиционного для Запада, но непривычного для многих стран принципа академической свободы. Нередко само понятие академической свободы становится предметом дискуссии, потому что страны по-разному проводят границу между политическими свободами и свободой сотрудников МФ исследовать те темы, которые им интересны, и учить студентов тому, чему они хотят их научить. Важно, чтобы иностранные вузы сотрудничали с правительствами принимающих стран с целью выработки общего взгляда на существующие между их национальными системами различия и были бы готовы искать компромисс и приспосабливаться друг к другу, а не отстаивать собственные представления.

Наконец, реакция стран на экспансию зарубежных вузов позволяет понять их подход к образованию и управлению, по которому, вероятно, можно судить о том, как эти страны будут реагировать на другие формы интернационализации.

Смерть бумажных научных монографий: крушение рынков и новые модели

Дональд А. Барклай

Дональд А. Барклай — заместитель директора библиотеки Калифорнийского университета в Мерседе, США. E-mail: dbarclay@ucmerced.edu

Мировой рынок бумажных научных монографий, который остается оплотом основанной на принципе «публикуйся или умри» академической культуры, стремительно сокращается. Продажи печатных монографий упали до рекордно низкого уровня, в то время как стоимость одного экземпляра сейчас выше, чем когда бы то ни было.

Безрадостные продажи и растущие цены

Примером того, насколько упали продажи, может служить такая книгоцентричная дисциплина, как история. В 1980 году академические издательства могли рассчитывать на то, что продадут хотя бы 2000

экземпляров любой монографии по истории. К 1990 году это число сократилось до 500. В 2005 году уже считалось нормальным, если удастся продать чуть более 200 — и это в мировом масштабе. Аналогичная ситуация наблюдается и в других научных областях.

Издатели всего мира отреагировали на падение продаж научных монографий поднятием цен. Взять, к примеру, ту же историю: в 1980 году средняя цена исторической монографии в твердом переплете составляла 22,78 доллара США, а к 2010 году она увеличилась почти в четыре раза — до 82,65 доллара США. Цены на монографии во всех других академических дисциплинах тоже выросли.

Кризис научных библиотек

Это не аномалия и не временная трудность: мировой академический рынок сбыта действительно находится на грани краха. Корень этого явления лежит в снижении покупательной способности научных библиотек, в том числе относительно богатых библиотек Европы и Северной Америки. Исторически именно они являлись основными покупателями бумажных монографий, но им пришлось снизить количество приобретаемых книг в связи с удорожанием подписок на периодические издания. В середине 1980 года расходы научных библиотек на подписки и закупку монографий были примерно одинаковыми. А к 2011 году они стали тратить на периодические издания примерно в 3 раза больше, чем на монографии.

Кризис университетских издательств

В идеальном мире экономическая составляющая научного книгоиздания была бы не важна. В конце концов, университетские издательства создаются для того, чтобы распространять научное знание, которое обладает высокой интеллектуальной ценностью, но, как правило, не обладает материальной. Однако большинство университетских издательств переживает далеко не лучшие с финансовой точки зрения времена, если не брать в расчет примерно 110 процветающих китайских издательств и немногочисленные крупные университетские издательства (например, Кембриджского или Оксфордского университетов), коммерческая успешность которых обусловлена тем, что они публикуют высокорентабельные научные журналы. В современных мировых реалиях, когда некогда щедрые субсидии на деятельность университетских издательств существенно сократились или вовсе исчезли, рассматривая заявку на публикацию той или иной рукописи, редколлегия нередко приходится думать о ее торговом потенциале. Автору не очень перспективного для продаж трактата о законах землевладения, действовавших в XII веке, во времена правления венгерской династии Арпадов, остается только пожелать удачи в поисках заинтересованного издательства.

В научных областях, стандарты которых по-прежнему предполагают, что для того, чтобы добиться

профессионального признания, молодой ученый просто обязан опубликовать научную монографию, возникает очевидная моральная дилемма. Неужели академическое сообщество останется в стороне и позволит рынку решать, кто достоин стать ученым, а кто нет? Должны ли аспиранты-гуманитарии выбирать тему диссертации, руководствуясь мнением книгоиздателей о ее коммерческом потенциале или все-таки исходя из того, какой вклад они хотят внести в сокровищницу человеческих знаний?

Потенциал идеи открытого доступа

Хорошая новость заключается в том, что грядущая экономическая гибель бумажных монографий еще не означает конец крупной формы в науке. Ряд ведущих научных издательств переходят от бумажной издательской модели к электронной и параллельно с этим начинают задумываться не о том, как бы побольше продать, а о том, как обеспечить открытый доступ к знаниям.

К примеру, Издательский дом Стокгольмского университета активно публикует в открытом доступе научные монографии, прошедшие серьезную экспертную оценку. Если он принимает рукопись к печати, то автор обязан оплатить единовременный публикационный сбор, эквивалентный 3250 фунтам стерлингов, который полностью покрывает стоимость изготовления, распространения и расходы на маркетинг. А Издательский дом Калифорнийского университета недавно объявил о том, что скоро в рамках его инициативы «Люминос» будут опубликованы первые пять изданий. «Люминос» — это строго рецензируемые, профессионально отредактированные научные монографии, которые публикуются в открытом доступе в виде электронных книг, но могут быть отпечатаны на бумаге под заказ — для тех, кто предпочитает книги, которые можно подержать в руках. На модель публикации монографии в режиме открытого доступа перешли также издательские дома Амстердамского университета и Австралийского национального университета, издательства De Gruyter Open, CLASCO (Латиноамериканский совет социальных наук), OAPEN (Публикации открытого доступа в европейских сетях), Berlin Academic и другие.

Электронные монографии, публикуемые в открытом доступе, являются воплощением издательской экономической модели, при которой затраты на публикацию покрываются предоплатой, а не результатами продаж. Возможно, они не только спасут сам жанр научной монографии. К тому же они обладают рядом преимуществ по сравнению с традиционными бумажными книгами. Монографии со свободным доступом можно использовать в качестве учебных материалов, причем студентам не придется за них платить. Электронный формат таких монографий снимает с авторов физические ограничения по количеству страниц и иллюстраций, а кроме того, позволяет использовать такие новые фишки, как интерактивные исторические

карты, визуализация данных, видео. А опубликованные в открытом доступе научные работы, посвященные бедным регионам мира, наконец станут доступны жителям этих самых регионов, ведь их миллионы, но они не могут позволить себе покупать печатные издания по ценам стран первого мира.

Хорошая новость заключается в том, что грядущая экономическая гибель бумажных монографий еще не означает конец крупной формы в науке.

Почему идея открытого доступа может провалиться

Несмотря на свои положительные стороны, идея электронной монографии открытого доступа может провалиться, если профессора, отвечающие в вузах за кадровые решения, не захотят ее воспринять. Во-первых, многие представители традиционных книгоцентричных дисциплин по-прежнему недоверчиво относятся к самой идее электронного книгоиздания. Во-вторых, есть те, кто убежден, что любая публикация на условиях предоплаты (из средств автора и/или организации, которую он представляет), — это несерьезно. Для таких людей электронные публикации свободного доступа приравниваются по степени «тяжести» к таким академическим грехам, как плагиат или покупка диплома.

Убедительный довод против того, чтобы мазать электронные публикации и платные публикации одним дегтем, заключается в том, что ничто не мешает рецензировать и редактировать электронные монографии, публикуемые на заслуживающих доверия площадках с открытым доступом, точно так же, как и традиционные бумажные издания. В конце концов, качество рецензирования и редакции никак не связано с бумагой и чернилами.

Другой довод состоит в том, что даже раньше, за редким исключением, издание любой монографии так или иначе проходило по предоплате. Обычно оно оплачивалось из полученных университетским издательством субсидий. А любые рассуждения о том, что традиционная модель субсидирования научных публикаций с моральной точки зрения чем-то лучше новых моделей, не более чем заблуждение.

Если же научные монографии открытого доступа все же погубит под натиском консерваторов, которые не захотят нанимать или поощрять молодых ученых, пользующихся новыми способами публикаций, это неизбежно приведет к гибели жанра научной монографии. Естественно, глупо думать, что, отказавшись от электронных монографий, мы спасем их бумажных собратьев. Факт заключается в том, что научные издательства, в том числе некоммерческие университетские издательские дома, не могут себе позволить постоянно терпеть убытки, издавая книги, которые научные библиотеки просто не могут закупать. Публикации в открытом доступе являются хорошей альтернативой для обваливающегося рынка. Без них научный процесс неизбежно запыляется, а научная монография уйдет в прошлое, так же как когда-то ушел в прошлое свиток и лицевая рукопись.

Отдавая должное тем, кто это заслужил

Филип Дж. Альтбах

Филип Дж. Альтбах — исследователь, основатель и первый директор Центра по изучению международного высшего образования при Бостонском колледже, США. E-mail: altbach@bc.edu.

Более полная версия этой статьи выходила ранее в журнале The Conversation.

Меня поразило, что 6 октября 2015 года заголовок на первой полосе китайской газеты China Daily гласил: «Китай впервые получил Нобелевскую премию по медицине». Вообще-то ее получила д-р Юю Ту из Китайской академии традиционной медицины, а не страна. В тот же день на четвертой странице New York Times вышла статья под заголовком «Трое ученых разделили Нобелевскую премию за работу по противодействию паразитарным болезням», в которой лишь мимоходом упоминалось, что лауреаты представляют три разных государства: США, Китай и Японию. Радоваться количеству олимпийских медалей, выигранных спортсменами какой-то страны, — это одно, тем более что во время олимпийской церемонии награждения поднимают национальный флаг и играют гимн, но научные достижения — это совершенно другое. Еще один факт, который говорит об абсурдности современной науки: количество статей, написанных в соавторстве, в самых разных журналах стремительно растет. Совместные Нобелевские премии и статьи в соавторстве — две стороны одной медали, показывающие, что системы признания научных заслуг вышли из-под контроля.

Что же представляют собой премии, присуждаемые Нобелевским комитетом?

Нобелевская премия присуждается за особые и выдающиеся научные достижения — по сути, за результаты научной работы, выполненной в течение всей жизни. Таким образом мир признает заслуги исследователя или иногда нескольких исследователей, которые совместно или по отдельности работали над определенным вопросом. Государство, в котором проводилось исследование, имеет, как правило, лишь отдаленное к нему отношение. Нередко бывает, что исследователь родился в одной стране, а работает в другой. К примеру, д-р Вильям Кэмпбелл, американский коллега д-ра Юю Ту, родился и окончил бакалавриат в Ирландии, а степень PhD получил в Университете штата Висконсин. А исследования о лечении паразитарных болезней, за которые он получил Нобелевскую премию, были проведены во время его работы в американской фармацевтической компании Merck. Многие лауреаты Нобелевской премии, особенно американцы, родились и получили образование в других странах. А многие из них давно не работают в тех университетах, где выполнили свои уникальные исследования.

Поэтому Нобелевская премия — это результат работы одного ученого или группы ученых. Наука вообще все чаще становится командным делом, которое выполняют группы исследователей, нередко работающие в определенной лаборатории. Нобелевский комитет еще не признал значимость коллективных и международных исследований для современной науки и не присуждает премии группам ученых: количество исследователей, которые могут разделить премию, ограничивается тремя.

Взбесившийся принтер

В то время как Нобелевский комитет вводит строгие ограничения, наука стремительно движется в противоположном направлении. Так, в авторитетном журнале Physical Review Letters недавно вышла статья, написанная 5154 соавторами. А в 2012 году Physical Review Letters опубликовал статью, у которой было почти 3000 соавторов, 21 из которых скончались к моменту выхода этой публикации.

Один из ее авторов, которому посчастливилось быть первым в списке, — д-р Аад — будет иметь, очевидно, огромный индекс цитирования, что, без сомнения, будет способствовать росту его собственной репутации и репутации его университета. Статья была посвящена бозону Хиггса и стала результатом работы ученых многих стран. На данный момент эта статья имеет самое большое число соавторов, однако статей, авторами которых являются 1000 или более ученых, появляется все больше.

Несмотря на то что наука на самом деле становится все более коллективной задачей, по-прежнему малопонятной остается идея указания такого большого